

МГБ ГДР, восточногерманские студенты и «дружественное ведомство»: искушения и границы транснациональной «истории спецслужб» социалистического лагеря

Аннотация. Предметом авторского исследования выступают неизученные ранее аспекты транснациональной истории спецслужб СССР и ГДР в сфере контроля системы обучения восточногерманских студентов в Советском Союзе: совместное сотрудничество, пространство деятельности Штази, методы вербовки и мобилизации неофициальных осведомителей, коллизионные пространства социалистической интеграции. На основе материалов российских и немецких архивов реконструируются стратегии осмысления деятельности и поведенческие практики самих студентов, мотивы сотрудничества со спецслужбами, попытки использования свободных от контроля ниш в личных интересах. В методологическом плане статья является междисциплинарным исследованием, созданным на стыке новой политической, транснациональной и социальной истории, исторической антропологии, социологии международных отношений. Студенческая делегация стала для Штази каналом, обеспечивавшим эффект ограниченного присутствия на территории страны-гегемона, а также возможность косвенного вмешательства во внутренние дела Советского Союза: организацию образовательного процесса, контроль советских и иностранных студентов, а также представителей Западной Германии (предпринимателей, ученых, туристов). Автор констатирует прагматичную гибкость внутриведомственного дискурса спецслужб по отношению к официальным пропагандистским паролем, а также подтверждает плодотворность отказа от универсальной оценки всех агентов Штази как законных служителей диктатуры в пользу дифференцированного подхода к анализу мотивов сотрудничества с тайными службами.

Ключевые слова: транснациональная история, история спецслужб, история ГДР, социалистический лагерь, СЭВ, Штази, восточногерманские студенты, резистентность социальных групп, мобилизационные практики, культура холодной войны.

Abstract. The subject of the author's research is the yet unstudied aspects of the transnational history of the intelligence services of the USSR and the GDR in the sphere of controlling the educational system of the East German students in the Soviet Union: their mutual collaboration, the area of operation of the Stasi, the methods of recruitment and mobilisation of unofficial informers, and the conflict areas of the Socialist integration. On the basis of material from Russian and German archives, the author reconstructs the strategies of assessing reality and behavioural practice of the students, the reasons for collaborating with intelligence services, and the attempts to use uncontrolled niches for private benefit. On the methodological plan the article presents an interdisciplinary study, created at the intersection of new political, transnational, and social history, historical anthropology, and sociology of international relations. The student delegation became a Stasi channel, securing the effect of having a limited presence on the territory of the governing country, as well as a possibility to have an indirect influence on the internal affairs of the Soviet Union: the organisation of the educational process and control over Soviet and international students, and also over representatives of West Germany (entrepreneurs, scholars, tourists). The author notes the pragmatic flexibility of the intelligence services' discourse on interagency with respect to official propaganda words, and also confirms the fruitfulness of the refusal to universally consider all the agents of the Stasi as ingrained servants of dictatorship in favour of a differentiated approach to analysing the motives for collaborating with secret services.

Key words: East German students, Stasi, Comecon, Socialist bloc, history of the German Democratic Republic, intelligence history, transnational history, social group resistance, mobilisation practices, Cold War culture.

За сорок лет, с 1952 по 1990 г., в советских вузах прошли обучение около 20 тыс. студентов из Восточной Германии. Если две первые делегации обучались только в Москве и в Ленинграде, то в последующий период граждане ГДР отправлялись на учебу и практику в вузы и на предприятия в самые отдаленные уголки советских республик, исключая принципиально закрытые для иностранцев зоны, и получали доступ к новейшим советским технологиям и научным открытиям. После возвращения немецкие специалисты с советским дипломом целенаправленно распределялись на ведущие посты в промышленности, научных учреждениях, государственных и партийных органах, а также в структурах социалистической интеграции [18]. Во время учебы и после ее завершения они находились под наблюдением силовых структур обеих стран, часть из них была завербована в разведывательных целях и нашла применение в качестве двойных агентов, в том числе в Западном Берлине. Благодаря плотной работе со студентами из ГДР Министерство госбезопасности этой страны (далее – МГБ или Штази) приобрело исключительную возможность не только в ограниченном объеме функционировать на территории Советского Союза, но и оказывать влияние на отдельные сферы советской публичной жизни (в основном в системе образования и культурной дипломатии). И если непосредственная история Штази с момента падения берлинской стены является предметом активных исследовательских и общественных дискуссий, то транснациональное «восточное» измерение его деятельности изучено относительно слабо.

Сквозь призму студенческого землячества ГДР в советских вузах в данной статье будут исследованы два проблемных поля. Во-первых, речь пойдет о некоторых неизученных аспектах истории спецслужб социалистического лагеря: взаимоотношениях советских и восточно-германских структур, пространствах действий Оперативной группы Штази в Москве, методах вербовки и мобилизации студентов из ГДР, попытках использовать их в целях межблоковой контрразведки, специфике работы западных спецслужб и т.д. Во-вторых, на основе весьма разрозненных отчетов информаторов будет реконструирован субъектный уровень: целеполагание самих студентов, попытки перетолкования ими официальных пропагандистских установок, использования конфликтных пространств социа-

листической интеграции в собственных целях. Представленная статья ни в коем случае не является исчерпывающим и однозначным ответом на поставленные вопросы, скорее попыткой наметить неисследованные пока перспективы данной темы вне конспирологического дискурса.

История Штази как часть истории разведки: характеристика исследовательского ландшафта

Крах ГДР и ликвидация МГБ этой страны создали исключительную ситуацию в исторической науке. Отсутствие прямых наследников силового ведомства, преобладающее в политической культуре объединенной Германии стремление показательно преодолеть прошлое «второй немецкой диктатуры», а также интерес ее жертв – самих жителей бывшей ГДР к наследию МГБ, обусловленный мифологизацией его всемогущества и вездесущности, привели к законодательному пересмотру сроков засекреченности архивов и к созданию условий для ограниченного доступа к ним «пострадавших» и исследователей. В руках ведомства Федерального уполномоченного по делам архивов службы госбезопасности бывшей ГДР оказались уникальные материалы спецслужбы от момента создания до бесславно-го финала, за исключением документов, уничтоженных в последние дни ее существования. Однако кажущаяся доступность не должна вводить исследователей в заблуждение, т.к. система организации архива не позволяет рядовому ученому получить детальное представление о характере и количестве хранящихся документов: при отсутствии традиционных описей и электронных каталогов историк вынужден довольствоваться только тем, что сочтет нужным выдать курирующий сотрудник архива.

Несмотря на существующие пробелы источникового характера, изучение архивов Штази породило поток разноплановых исследований. Основываясь на методологических трендах современной исторической науки, большинство из них посвящены не столько классической истории спецслужб («intelligence history», «Geheimdienst-Geschichte»), которая получила развитие в англосаксонском исследовательском ландшафте, сколько изучению социально-исторических, групповых, поколенческих и гендерных аспектов истории ведомства, а также их контекстуализации в макропроцессах истории ГДР и Холодной войны в целом. С недавних пор ориентиром в потоке подобной литературы является позиция

ведущего исследователя по истории Штази Й. Гизеке, выступившего с предложением отказаться от расхожей модели разделения на преступные «верхи» и пострадавшие «низы» в системе идеологически регулируемого коммунистического господства в пользу концепции неоднозначных социальных интеракций между властвующими и подчиняющимися [4, 5]. Невозможность представить в кратком обзоре весь поток исследований вынуждает остановиться на тех полях исследовательского ландшафта, которые касаются поставленных в данной статье вопросов.

Классические истории восточногерманской разведки не избежали склонности к скандальным и шумевшим случаям перехода или перевербовки конкретных агентов. Здесь доминируют мемуары самих акторов, постфактум расставляющих необходимые для них акценты и подталкивающих читателей к нужной интерпретации [17]. Однако встречаются и строго научные исследования, помещающие медийные скандалы в более широкий психологический, политический и глобальный контекст эпохи Холодной войны [10, 14], а также просопографические исследования, посвященные руководителям восточногерманской разведки [13]. Рядовые граждане ФРГ, завербованные восточногерманскими спецслужбами для получения информации о непосредственном противнике, оказались в фокусе внимания Г. Хербстрита. Автор представляет типичные образцы поведения Штази в обращении с агентами на территории Западной Германии: методы рекрутирования и удержания агентов, мотивы и реакции целевой аудитории, способы оценки полученной информации. На основе анализа типичных случаев Хербстрит приходит к выводу о безоглядной манипуляции человеческим материалом, частом злоупотреблении семейными связями, что приводило к разрушению браков, повышенному психическому давлению на агентов. За пределами подобных исследований пока остались аспекты взаимодействия Штази с советской стороной, специфика передачи информации и ее использования [7].

Контролю Штази над системой высшего образования в ГДР на примере одного из крупнейших университетов Галле посвящена работа Ш. Райзера. Автор представляет тесную сеть источников информации, сплетенных из официальных и неофициальных агентов, удалось создать Штази на всех уровнях университетской организации, начиная с проректоров и деканов, заканчивая отдельными студентами.

При этом «под колпаком» находились не только факультеты и научные структуры, но и общжития, творческие коллективы и клубы [16]. Вопреки названию своей работы, автор демонстрирует, как много зон и ниш оставалось свободными от контроля Штази, подчеркивая перспективность дальнейших исследовательских усилий в данном направлении.

Вопрос о механизмах кадрового (само)воспроизводства ведомства привлек интерес исследователей к специфике т.н. «семей Штази» и жизненных миров детей сотрудников ведомства. Так, Р. Хоффман в своей научно-публицистической работе концентрируется на примерах семей ведущих функционеров, выводя на первый план своего изучения различные формы опыта насилия, например, побои, массивное давление и насаждение лояльности к системе. Критики данной публикации справедливо считают, что некоторые особенности поведения родителей следует относить к специфике поколения, а не к характеристике самого ведомства. К тому же автору явно не удалось последовательно проследить трансформацию от «ребенка сотрудника ведомства» до т.н. «преступника» [8].

Эмоционально нагруженным и весьма драматичным для граждан бывшей ГДР остается вопрос о неофициальных осведомителях, судебное преследование которых в объединенной Германии выражается в урезании положенных по закону пенсий. И.-С. Ковальчук предложил отказаться от воспроизводства мыслительных образцов Штази и оценить конкретные действия каждого актора в конкретной исторической ситуации. В своем исследовании, которое вызвало бурю возмущения не только среди коллег, но и в рядах широкой общественности, автор поставил вопросы о мотивах информантов, социальном контексте их действий, стратегиях доноительства, однако, множество из этих вопросов оставил без ответа [11].

Широкая сеть информантов и специфика сообщаемых ими сведений подтолкнула исследователей к использованию многостраничных отчетов Штази для изучения истории повседневности жителей Восточной Германии, выявления границ между частными нишами и публичными пространствами, способов и образцов придания акторами собственного смысла окружающей действительности. Сквозь призму материалов МГБ изучаются такие сферы повседневности ГДР как культура потребления, (нелегальный) туризм, мода и др. [15]

Обзор исследовательской литературы свидетельствует о доминировании в современных исследованиях Штази некоего западного или центральноевропейского направления: при всем методологическом и познавательном разнообразии, они концентрируются на деятельности Штази на территории разделенной Германии [9]. Специфика сотрудничества разведок социалистического лагеря, методы работы с крупными группами собственных граждан за границей оставались практически вне поля зрения историков [3]. С другой стороны, источниковые лакуны, особенно закрытость российских архивов пока позволяют наметить некоторые аспекты транснациональной истории спецслужб и отражение в их призме транснациональной повседневности советских вузов только в первом приближении.

Восточногерманские студенты под прицелом Штази: контроль, вербовка, пространства действия

Обучение студентов из ГДР в Советском Союзе рассматривалось обеими сторонами не только как образовательный и кадровый, но в большей степени как политический вопрос. Восточногерманское руководство возлагало на студентов миссию послов общественной дипломатии, призванных достойно представлять первое рабочее-крестьянское немецкое государство вовне и транслировать ценности немецкой культуры, в том числе среди представителей студенческих делегаций из развивающихся стран. Советская сторона ставила перед собой задачу подготовки высококвалифицированных, политически образованных и верных социализму специалистов для братских стран Восточной Европы, которые призваны способствовать интенсификации сотрудничества в СЭВ и продемонстрировать западным скептикам солидарность стран социалистического лагеря. Естественно, реализация подобного политического мероприятия должна была «страховаться» органами безопасности обеих стран, тем более что на территории СССР находились граждане Западной Германии, а с конца 1960-х гг. в советских вузах появились студенты и стажеры из ФРГ.

С самого момента формирования делегаций, направляемых на обучение в социалистические страны, МГБ ГДР активно участвовало в процедуре проверки и отбора кандидатов, выявляя достоверность сведений о социальном происхождении, партийной принадлежности

родителей, наличии родственников за границей, а также политической позиции будущего студента: знания международной ситуации, перспектив социализма, глубокой убежденности в важности своей миссии [2, НА II/10. Nr. 367. 1960-65. Delegationenlisten]. Из документов двух сторон становится ясным, что, вопреки установкам и межведомственным соглашениям, многолетнее членство родителей в НСДАП оценивалось восточногерманскими ведомствами исключительно прагматически: оно не становилось препятствием ни для вступления в СЕПГ, ни для продвижения по службе, ни для привлечения к сотрудничеству с МГБ в качестве неофициального сотрудника [2, НА II/5/С. 6.10.1964. Einschätzung, GI Beyer]. Только в случае конфликтов лица с системой связь родителей с предыдущей диктатурой трактовалась как отягчающее обстоятельство и универсальное объяснение причины отступления студента от нормативного идеала.

Конспирологический дискурс эпохи способствовал тому, что Штази рассматривала студентов, обучающихся в социалистических странах, со стороны как группу, потенциально интересующую «различные вражеские ведомства», и объект их вербовочных устремлений. Отмечалось, что «основные усилия противник прилагает к организации разлагающего влияния, при этом особую роль играют попытки вербовки во время пребывания за границей и после окончания учебы» [2, BV Neubrandenburg, BdL. 477. MfS, Stellvert. des Ministers. 6.11.1957]. Поэтому контроль Штази за студентами не ослабевал в период кратких каникул в ГДР, когда за ними велось пристальное наблюдение через систему агентов и осведомителей в среде родственников и соседей. В случае возникновения подозрений (изменения предписанного маршрута поездки, запоздалого возвращения с учебы) родители и знакомые подвергались подробным опросам [2, Aussenstelle Neubrandenburg. Nr. 21/68]. В свою очередь сами студенты становились мерилем благонадежности своих родителей при многочисленных проверках партийных кадров высшего и среднего звена. Подобные запросы еще раз подтверждают тезис о постепенном превращении учебы за границей, в частности в СССР, в своеобразную «элитную школу» для детей партийного руководства, особенно в случае престижных специальностей [18].

В целях обеспечения безопасности целевой группы, а также выяснения вопроса «Кто

есть кто в делегации студентов из ГДР?», Оперативная группа Штази в Москве последовательно создавала сеть неофициальных осведомителей в рядах делегации. О масштабах данной деятельности свидетельствует собственная статистика ведомства: в 1966 г. из примерно 200 выпускников советских вузов, отправлявшихся работать на родину, 33 человека сотрудничали со Штази в виде неофициальных осведомителей [2, НА П/10. Nr. 366].

Плотность сети неформальных сотрудников зависела от места дислокации группы студентов и от специальности обучения, к примеру, в Ленинградском электротехническом институте в 1960-х гг. она достигала пяти человек на курсе. Непрогнозируемым следствием этих усилий нередко становилась «деконспирация» – раскрытие одним тайным информатором другого во время телефонных переговоров, встреч с кураторами и т.д. [2, BVfS Potsdam, Abteilung XVIII 8] Еще одной группой, привлекавшей особый интерес тайной службы, являлись будущие дипломаты, особенно студенты старших курсов, проходившие практику в представительствах ГДР в капиталистических или развивающихся странах [2, Aussenstelle Neubrandenburg. Nr. 21/68].

Учитывая будущую квалификацию выпускников, уровень языковой подготовки и их связи в социалистическом лагере МГБ было заинтересовано в вербовке потенциальных кадровых сотрудников и их испытании в условиях повышенной ответственности. Поиск подходящих кандидатов начинался заранее – еще в период собеседований со школьниками. Сотрудники Штази, тщательно изучавшие все анкеты потенциальных студентов и отклонявшие подозрительных, одновременно отбирали предполагаемых кандидатов в информанты, чтобы осуществить вербовку еще до отправки к месту учебы. Дополнительным критерием выступали характеристики с места проживания, с места учебы, из армии [2, BV Gera. 520/69. Bd.1] (именно последняя рассматривалась как основная кузница надежных кадров).

Документы делегации подтверждают выводы исследователей о значимости механизмов самовоспроизводства Штази: студентов вербовали как «будущих профессиональных солдат Министерства госбезопасности» по инициативе родителей – сотрудников Штази и даже в их присутствии. Возможно, именно пример родителей и специфическое семейное воспитание

подвигали молодых людей, не имевших собственного жизненного опыта, заявлять о своей заинтересованности в последующей престижной офицерской карьере в рамках ведомства [2, XVIII]. Поголовное приписывание современными историками преступных намерений всем официальным и неофициальным сотрудникам ведомства является лишь продуктом господствующего дискурса о «второй немецкой диктатуре». При вербовке молодые люди руководствовались скорее привитыми системой ориентирами, отраженными в типовом письменном обязательстве: «Я, ..., родившийся ... в ..., обязуюсь добровольно поддерживать Министерство государственной безопасности в его деятельности. Я знаю, что эта деятельность служит обеспечению мира, а также защите наших Социалистических Ценностей. Кроме того, я обязуюсь не сообщать ни одному лицу, включая членов семьи, об этих контактах. Мне известно, что нарушение этого обязательства равнозначно выдаче государственной тайны» [2, XVIII]. Не стоит забывать и о юношеском максимализме и романтизме, характерном для данного возраста, а также о возможности искреннего принятия транслируемых сверху образцов толкования. К примеру, один из осведомителей, завербованный уже после службы в армии, выражал уверенность, что его сотрудничество с МГБ будет способствовать «обеспечению безопасности государственной границы и вскрытию провокаций» [2, Hauptabteilung П/5/С]. Разумеется, данные замечания не заменяют оценки конкретных действий сотрудника в конкретной ситуации, но должны способствовать более дифференцированному изучению мотивов поступления на службу и ее продления. Показательно также, что именно представители поколения восстановления (1930 г.р.), получившие от нового государства небывалые шансы социального и профессионального взлета и являвшиеся, как правило, убежденными сторонниками режима, нередко продолжали добровольно сотрудничать с МГБ даже после выхода на пенсию из силовых структур [2, MfS – NA KuSch. Nr. 32495].

Иногда юношеское воодушевление и постоянно подчеркиваемая заинтересованность в дальнейшей карьере восполняли для Штази неопытность и отсутствие склонности к работе в тайной полиции. Так в случае одного из неформальных осведомителей, его куратор дал весьма нелестную характеристику: «Как личность осведомитель еще неопытен, руководствуется эмо-

циями и чувствами. Это проявляется и в оценке сокурсников, которых он не выносит. Часто подобные оценки недостаточно объективны...» [2, Abteilung XVIII/1. 17.01.1978]. Тем не менее, после возвращения из Советского Союза бывший студент был возведен в статус оперативно-политического сотрудника МГБ.

Используя доступную информацию о планируемом месте работы студентов, определявшемся, как правило, уже в начале обучения или самое позднее к концу третьего курса, сотрудники МГБ выясняли перспективность будущих выпускников как тайных осведомителей в новых коллективах. Предполагалось, что Оперативная группа в Москве уже в ходе обучения может проверить информацию об интересующих ведомство специалистах и при наличии предрасположенности произвести вербовку [2, НА II. №. 38127]. Советское техническое образование и навыки переводчика являлись весомым аргументом в пользу назначения выпускников на должность оперативных агентов [2, НА XVIII. №. 2508].

При этом кадровые интересы МГБ являлись приоритетными в отношении других государственных органов. К примеру, в 1968 г. возник конфликт между Штази и МИД ГДР, отправлявшим студентов на обучение в МГИМО и распределявшим ценных специалистов задолго до получения диплома. Разумеется, перед выпуском следовало получить вердикт МГБ о благонадежности той или иной кандидатуры, ее семьи и окружения. В ответ на один из подобных запросов МИД был поставлен в известность, что Штази имеет виды на студента К., отец которого являлся одним из ведущих офицеров Национальной народной армии. Несмотря на специализацию будущего дипломата на США и прохождение одной из практик в Гаване, ему было предписано поменять ориентиры, повторить практику в одной из европейских социалистических стран в перспективе дальнейшего распределения в соответствии с нуждами госбезопасности [2, НА XX. №. 21293].

Столь же бесцеремонно Штази вмешивалась в личную жизнь и семейные планы будущих сотрудников. К примеру, во время языковой подготовки один из агентов познакомился со студенткой из ГДР, обучавшейся на первом курсе другого вуза. В ответ на высказанное им намерение жениться, куратор устроил проверку потенциальной невесты и нашел в документах своего ведомства упоминание, что ее мать переписывается с бывшей коллегой по работе, которая не-

легально покинула ГДР. Молодому влюбленному жестко указали на то, что как будущий сотрудник министерства он не может иметь даже косвенных контактов с гражданами несоциалистических стран, а если таковые станут неизбежны, должен немедленно уведомить вышестоящих лиц [2, АИМ. №. 19020/82].

Нормализация и рутинизация (М. Фулброк) политической повседневности ГДР в 1970-е–1980-е гг. поздний период ее существования не могли не привести к ослаблению мобилизационно-контрольных практик, а также образов врага. Если в ходе формирования первых делегаций табу накладывалось на обучение за границей детей функционеров НСДАП и выходцев из семей, имеющих родственников на Западе, то в последнее десятилетие социализма подозрение вызывали скорее контакты с внутренней оппозицией, особенно с церковными кругами [2, НА II. №. 38125].

Выпускники советских вузов продолжали оставаться в зоне интересов Штази как потенциальные агенты и информаторы и десятилетия спустя после получения диплома. Так, одному из агентов, который был завербован в годы учебы в Харькове, было поручено составить список однокурсников с указанием их нынешней профессиональной позиции и потенциала вербовки в качестве агентов [2, BV Dresden KD 66. №. 4313. Bd.1]. Возможной причиной подобного интереса являлся отсев информантов, о котором пойдет речь в завершающей части статьи.

Игры спецслужб: студенты в международных шпионских операциях

Пребывавшие в транснациональном пространстве советских вузов студенты из ГДР представляли потенциальный источник важной информации и благодаря постоянному пересечению границ, знанию языка, доступу к закрытой информации использовались разведками не только Восточной Германии, но и СССР, и западными спецслужбами. О масштабности и результативности подобной деятельности именно с точки зрения шпионажа не позволяет говорить разрозненность источников, однако даже доступные исследователю «крохи» дают возможность сделать ряд интересных наблюдений.

Опасаясь установления нерегламентированных контактов студентов с гражданами других стран, МГБ, напротив, стимулировала их установление в целях внешней разведки и под

контролем Оперативной группы в Москве. Несмотря на свою деятельность на чужой территории Штази активно использовало студентов, пребывающих в СССР, для налаживания связей с иностранцами, временно пребывающими в тех или иных советских городах. Наиболее перспективные контакты отрабатывались в сотрудничестве с КГБ [2, Hauptabteilung II/5/C].

Неожиданным побочным следствием контроля Штази над собственными студентами являются примеры опосредованного вмешательства в образовательный процесс советских высших школ. Так, в документах отражен случай, когда одного из доцентов, преподававшего марксизм-ленинизм и не поставившего зачет 30 немецким студентам, подопечные обвинили в отрицательных отзывах в адрес немецкого рабочего движения. После проверки информации «дружественные организации» способствовали отстранению преподавателя от работы с иностранцами [2, Hauptabteilung II/5/C]. При этом можно с определенной долей вероятности предположить, что причиной жалобы было не столько названное неуважение к германскому рабочему классу, сколько массовый учебный провал сессии студентами, которые считались одной из образцовых делегаций в советских вузах.

Косвенно Штази контролировала не только своих прямых подопечных, но и их советских сокурсников, ибо неофициальные осведомители считали должным упоминать их в своих отчетах в случае отклонения от образа политически благонадежного гражданина ведущего социалистического государства. К примеру, агент Г. доложил своему куратору в Москве о двух советских студентах, негативно оценивавших политику ценового регулирования, распространявших слухи о грядущем росте цен. Высказывания одного из них в состоянии алкогольного опьянения в адрес советского правительства привели к приписыванию обоим студентам солидарности с А. Сахаровым [2, Hauptabteilung II/5/C]. О подозрительных контактах с советскими гражданами студентов из ГДР Штази информировалось не только собственными агентами, самими студентами, но и их родителями – функционерами ведомства, работавшими на территории Восточной Германии. Все сведения подобного характера предоставлялись советской стороне и уходило «в разработку КГБ» [2, Abteilung II].

Предписываемая и контролируемая сверху интернациональная дружба представителей различных национальных делегаций в стенах со-

ветских вузов часто выходила за пределы официальных встреч, приемов, торжественных вечеров и приводила к персональным контактам, благодаря которым к неофициальным осведомителям Штази попадали сведения и о делегациях из развивающихся стран, и о конкретных их представителях [2, Abteilung II]. Документы свидетельствуют о случаях, когда студенты из ГДР использовались советской стороной для проверки подозрительных личностей из Западной Германии, т.к. могли легче устанавливать и поддерживать режиссируемые «неформальные» контакты [2, HA XVIII. Nr. 2545].

Статус студентов позволял Штази использовать своих граждан и в качестве добытчиков информации научного и промышленного характера. К примеру, один из них получил задание установить письменные контакты с западногерманской фирмой «Гласс», начав с безобидной просьбы о присылке рекламных проспектов, а продолжив восторженным письмом с признанием лидерства западных фирм и выражением пожелания пройти практику на предприятии [2, MfS. Nr. 7422/75. Bd. 2]. Вежливые ответы западной стороны расценивались как определенный успех, который следовало развить в ходе поездки на книжную ярмарку или другую выставку, где можно было лично представиться и использовать предыдущие письма как повод для активизации контактов [2, MfS. Nr. 7422/75].

Еще одним направлением работы со студентами стала подготовка военных агентов, проводившаяся совместно с советскими партнерами. Штази в этих операциях отводилась роль вербовщика подходящих кандидатов, с момента начала подготовки обе спецслужбы действовали, казалось бы, совместно. Однако более пристальное изучение документов и чтение между строк рисует нам партнерство, далекое от равноправия.

В сотрудничестве с подразделениями КГБ в Москве и Харькове к «засылке» в сферу деятельности американских спецслужб был подготовлен неофициальный сотрудник, студент Х. Перед установлением контактов с представителями западных спецслужб начинающий агент получил установку в беседах с представителями вражеской стороны всячески продемонстрировать и подчеркнуть свою исключительно материальную заинтересованность в будущем сотрудничестве. В этом случае, как считали кураторы, был шанс, что студент не будет вызывать подозрений у опытных разведчиков противника [2, MfS. Nr. 7422/75]. Представители оператив-

ной группы Штази в Москве инструктировали агента и по содержанию информации, которую следовало предоставлять противной стороне. Предписывалось упоминать наличие достаточного количества продуктов питания в местных магазинах, где студент проходил практику, позитивные настроения молодежи и населения в целом, однако запрещалось упоминать «о националистических настроениях некоторых граждан в Латвийской ССР и о военном аэродроме неподалеку от Риги». В целях провокации на установление контактов с нужными социалистическим спецслужбам советскими гражданами, а возможно и для проверки оных, следовало как бы невзначай упомянуть свои отношения со студенткой Харьковского политехнического института и знакомство с ее братом – научным сотрудником исследовательского института физики [2, MfS. Nr. 7422/75].

Молодость и неопытность новоиспеченного агента, либо, напротив, его актерские склонности привели к тому, что он запутал не только американские спецслужбы, но и восточногерманское начальство: после знакомства с нужными людьми в Западном Берлине он потребовал, чтобы ему показали ночную жизнь города, настоял на посещении баров и даже борделя. Стараясь вжиться в роль и показаться американцам «своим парнем», он высмеивал достижения рабочих и крестьян в странах социализма и высказывал свои глубокие симпатии к населению т.н. «свободного мира», чем ввел в заблуждение даже собственного напарника, посчитавшего его предателем [2, MfS. Nr. 7422/75]. Хотя задание убедить американцев в своем политическом равнодушии к коммунизму, как и в руководящем стремлении к легкому заработку изначально поступило от самих инструкторов Штази, курирующий его в Западной Германии агент охарактеризовал как «жадного до денег» и «аморального» типа, настаивая на прекращении использования студента в подобных операциях [2, BV Dresden KD Sebnitz. 4313]. Действительно, Х. больше не отправлялся в Западный Берлин, по крайней мере, так считало МГБ ГДР.

С определенной долей вероятности можно предположить, что в совместной операции МГБ и КГБ последний играл по своему сценарию, ибо после возвращения в СССР студент не считал нужным связаться со своим восточногерманским куратором, а сразу проехал к месту учебы в Харьков. Сотрудникам оперативной группы Штази в Москве пришлось обращаться за под-

держкой к советской стороне, чтобы получить какую-либо ясность в этом деле, что до конца так и не удалось. Несмотря на отказ Штази от работы с агентом, а также протесты против его последующего назначения в Москву на руководящие позиции в интеграционных структурах, Х. тем не менее был туда отправлен, что позволяет предположить решающую роль советских товарищей и возможное независимое использование агента Штази в своих целях, в том числе для контроля «братской» тайной службы [2, НА II. Nr. 36744]. О том, что агент Х. был подчинен преимущественно советской стороне, свидетельствует и ряд других документов, в которых «дружественное ведомство» делилось с представителями Штази информацией о месте нахождения одного на практике, о его дальнейших передвижениях и планах, согласие же с мнением оперативной группы в Москве о необходимости установления наблюдения за данным лицом выглядит в большей степени формальностью [2, НА II. Nr. 36744]. Значительно позже МГБ ГДР, заявляя о том, что «в связи с его обширными знаниями по сотрудничеству СЭВ Х. является целевым объектом противника», инициировало новый оперативный процесс, который вновь не привел к желаемым результатам: перекрестные проверки, досмотры рабочего места, перлюстрация переписки и многолетнее наблюдение не позволило с достаточной достоверностью определить факт сотрудничества (или его отсутствия) с западными спецслужбами [2, НА II. Nr. 36744]. Более того, Х. был отправлен в Москву и долгие годы работал в органах СЭВ, оставаясь неофициальным сотрудником спецслужбы ГДР.

Пространство коллизий: целеполагание органов и «своеволие» акторов

Лакуны и бреши в системе организации Штази контроля за делегацией, возникшие вследствие распыленности контингента восточногерманских студентов по всему Советскому Союзу, и ограниченности пространств действия Оперативной группы в Москве, использовали не только «дружеские» ведомства, но и сами студенты, перетолковывая спускаемые сверху пароли и оперируя в свободных пространствах в своих интересах.

Для многих молодых людей Штази представлялось ведомством, сотрудничество с которым позволит в будущем выстроить карьеру, а во время учебы решить организационные

и бытовые проблемы: одни стремились получить лучшие комнаты в общежитиях, другие – достать дефицитные на периферии сигареты [2, Kreisdienststelle Jena, Operativgruppe Universitaet]. Позже, уже после возвращения в ГДР выпускники столь же рьяно пытались через МГБ улучшить ситуацию с жильем [2, НА II/6/D]. Как представляется, решение зависело от ценности осведомителя для ведомства: наряду с многочисленными отказами в документах нашел отражение случай, когда указание от МГБ улучшить жилищную ситуацию осведомителя поступило местному бургомистру, и вопрос был взят им на личный контроль [2, BV Gera. 520/69].

Со стороны бывших студентов наблюдались активные попытки не только устроиться на постоянную работу в МГБ самим, но и найти должность для членов семьи. Решения по этому поводу принимались на основании опыта предыдущего сотрудничества. Несмотря на истинные мотивы ведомства, официальной причиной отказа объявлялась невозможность найти применение столь высокой квалификации лица [2, ОРК 2056/89].

Знакомство с отчетами Штази свидетельствует о внутриведомственном смещении официальных дискурсивных канонов. Вопреки интернационалистским паролем советской и восточногерманской пропаганды и масштабным вложениям в развитие культурной дипломатии, контакты со студентами из развивающихся стран в беседах с информантами открыто позиционировались сотрудниками Оперативной группы в Москве как «большая проблема», ибо они были чреваты не только пристрастием к «часовому прослушиванию горячей музыки с пластинок Пресли», но и интимными отношениями студентов из ГДР с выходцами из Ирака, Африки, арабских государств [2, BV Gera. 520/69]. Не раз противоречия дискурса и практики вырывалось наружу: представление о разлагающем влиянии студентов из развивающихся стран и попытки оказать моральное давление на граждан ГДР привели к открытому конфликту с представителями делегации Ганы, возмущившимися двойственностью стандартов немецкой стороны [1].

В целом, реальное и воображаемое присутствие Штази в жизни делегации создавало сложную психологическую обстановку: студентам оставалось лишь догадываться, насколько детально организована слежка, кто из окружения в ней участвует. Иногда подозрения оказывались

близки к истине, так, один из неофициальных сотрудников сообщал куратору, что группа объявила его «человеком Штази» на основании частного общения с военным атташе посольства [2, BV Gera. 520/69]. Тем не менее, отражающиеся в биографических интервью механизмы замещения воспоминаний установками дискурса, сложившегося уже после объединения Германии, все же не позволяют в полной мере выявить степень осведомленности рядовых студентов.

Интересным является вопрос о дальнейшей судьбе осведомителей, пожелавших по тем или иным причинам прервать сотрудничество с МГБ. Относительно типичен пример выпускника Ленинградского электротехнического института Б., который несколько раз не явился на встречу с куратором, отговариваясь служебной необходимостью, а позже в телефонном разговоре вообще отказался от сотрудничества, сославшись на семейную и профессиональную загруженность и несклонность к подобной работе. Информатор был оценен как бесперспективный, и сотрудничество с ним было прервано без всяких санкций [2, BV Gera. 520/69].

Статус неофициального сотрудника не способствовал возникновению иммунитета против вирулентной идеи бегства на Запад среди студентов из ГДР. К примеру, Хайнц Р., бывший тайный осведомитель, обучавшийся в Ленинграде, был в 1963 г. отозван с учебы за попытку перехода на Запад и приговорен к двум годам лишения свободы условно. Через 4 года он совершил повторную удачную попытку вместе с группой студентов из университетов ГДР, а несколько месяцев спустя в Ленинград пришла открытка, адресованная делегации студентов ГДР, с приветами и сообщением, что Хайнц Р. обучается ныне в техническом университете Берлина, что, по словам студента, стало компенсацией «ошибки финского путешествия 1963 г.» [2, НА II/5; НА II/6]. Разумеется, данный случай не был единичным.

Таким образом, сложности реконструкции транснационального измерения истории спецслужб социалистических стран и их деятельности в пределах Восточного блока объясняются прежде всего спецификой источниковой базы: закрытостью и несистематичностью архивов, эмоциональностью памяти потенциальных респондентов, замещением воспоминаний элементами прошлых и настоящих господствующих дискурсов.

Студенческая делегация стала для Штази каналом, обеспечивавшим эффект ограниченного присутствия на территории страны-гегемона. Выполнение запланированных функций получения информации, выявления неблагонадежных, вербовка агентов в целях шпионажа приводило к весьма неожиданному косвенному вмешательству МГБ ГДР во внутренние дела Советского Союза: организацию образовательного процесса, контроль советских и иностранных студентов, а также представителей Западной Германии (предпринимателей, ученых, туристов). Внутриведомственный дискурс секретных служб в значительной степени отличался от паролей официальной пропаганды: прагматические кадровые соображения и представления о национальной безопасности существенно корректировали интернационалистские и антифашистские пароли.

Несмотря на стремление установить тотальный контроль над делегацией собственных граждан в Советском Союзе, Штази «работала» в весьма неоднородном пространстве действий, пробелы в котором были обусловлены позицией советской стороны, распылением студенческих групп по бескрайним пространствам СССР, поведенческими стратегиями студентов, использовавшими коллизии и конфликты в собственных интересах. Документы рисуют обширнейший спектр мотивов сотрудничества с тайной службой: от семейных традиций и стремления сделать карьеру, усвоения транслируемых сверху паролей и юношеского романтизма до попыток компенсировать повседневный дефицит и решить бытовые проблемы. Пробелы в системе контроля мотивировали студентов к интенсивному использованию коллизионных пространств восточной интеграции в своих целях.

Библиография:

1. Bundesarchiv Berlin. DR 3. Schicht 1. Nr. 5936. Diskussionsbeitrag der Studentenabteilung, 4.5.1962.
2. Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR (BStU)
3. Foitzik J., Petrow N. Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. – Berlin, 2009.
4. Gieseke J. Mielke-Konzern. Die Geschichte der Stasi 1945–1990. – München, 2001.
5. Gieseke, J. (Hrsg.), Staatssicherheit und Gesellschaft. Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR. – Göttingen, 2007.
6. Halbrock Chr. Unterwegs im Land des "Bruderorgans". Transitabweicher und Reisegruppenfluchtige im Spiegel der MfS-Akten // Unerkannt durch Freundesland. Illegale Reise durch das Sowjetreich. – Berlin, 2012. – S. 360–390
7. Herbstritt G. Bundesbürger im Dienst der DDR-Spionage. Eine analytische Studie. – Göttingen, 2007.
8. Hoffmann R. Stasi-Kinder. Aufwachsen im Überwachungsstaat. – Berlin, 2012.
9. Kaminski L., Persak K., Gieseke J. (Hrsg.), Handbuch der kommunistischen Geheimdienste in Osteuropa 1944–1991. – Göttingen, 2008.
10. Kellerhoff S. F. Die Stasi und der Westen. Der Fall Kurras. – Hamburg, 2010.
11. Kowalczyk I.-S., Stasi konkret. Überwachung und Repression in der DDR. – München, 2013
12. Krieger W. (Hrsg.), Geheimdienste in der Weltgeschichte. Spionage und verdeckte Aktionen von der Antike bis zur Gegenwart. – München, 2003.
13. Krüger D., Wagner A. (Hrsg.), Konspiration als Beruf. Deutsche Geheimdienstchefs im Kalten Krieg. – Berlin, 2003.
14. Michels E. Guillaume, der Spion. Eine deutsch-deutsche Karriere. – Berlin, 2013
15. Prause A. Parallelwelt Mode – Mehrdimensionale Erosionsprozesse in der späten DDR am Beispiel einer Alternativkultur // Das letzte Jahrzehnt des Sozialismus: Transformationsprozesse in der UdSSR und DDR. – Moskau, 2015. (im Druck)
16. Reichert S., Unter Kontrolle. Die Martin-Luther-Universität und das Ministerium für Staatssicherheit 1968–1989. – 2 Bd. – Halle (Saale), 2007.
17. Stiller W. Der Agent. Mein Leben in drei Geheimdiensten. – Berlin, 2010.
18. Нагорная О.С. Восточногерманские студенты в СССР 1950-60-х гг.: транснациональные пространства и социалистические «сети» // Исторический журнал: научные исследования. – 2013. – № 5. – С.531–540. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9267

References (transliterated):

1. Bundesarchiv Berlin. DR 3. Schicht 1. Nr. 5936. Diskussionsbeitrag der Studentenabteilung, 4.5.1962.
2. Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen DDR (BStU)
3. Foitzik J., Petrow N. Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. – Berlin, 2009.
4. Gieseke J. Mielke-Konzern. Die Geschichte der Stasi 1945–1990. – München, 2001.
5. Gieseke, J. (Hrsg.), Staatssicherheit und Gesellschaft. Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR. – Göttingen, 2007.
6. Halbrock Chr. Unterwegs im Land des "Bruderorgans". Transitabweicher und Reisegruppenfluchtige im Spiegel der MfS-Akten // Unerkannt durch Freundesland. Illegale Reise durch das Sowjetreich. – Berlin, 2012. – S. 360–390
7. Herbstritt G. Bundesbürger im Dienst der DDR-Spionage. Eine analytische Studie. – Göttingen, 2007.

DOI: 10.7256/2222-1972.2016.1.16541

8. Hoffmann R. Stasi-Kinder. Aufwachsen im Überwachungsstaat. – Berlin, 2012.
9. Kaminski L., Persak K., Gieseke J. (Hrsg.), Handbuch der kommunistischen Geheimdienste in Osteuropa 1944–1991. – Göttingen, 2008.
10. Kellerhoff S. F. Die Stasi und der Westen. Der Fall Kurras. – Hamburg, 2010.
11. Kowalczuk I.-S., Stasi konkret. Überwachung und Repression in der DDR. – München, 2013
12. Krieger W. (Hrsg.), Geheimdienste in der Weltgeschichte. Spionage und verdeckte Aktionen von der Antike bis zur Gegenwart. – München, 2003.
13. Krüger D., Wagner A. (Hrsg.), Konspiration als Beruf. Deutsche Geheimdienstchefs im Kalten Krieg. – Berlin, 2003.
14. Michels E. Guillaume, der Spion. Eine deutsch-deutsche Karriere. – Berlin, 2013
15. Prause A. Parallelwelt Mode – Mehrdimensionale Erosionsprozesse in der späten DDR am Beispiel einer Alternativkultur // Das letzte Jahrzehnt des Sozialismus: Transformationsprozesse in der UdSSR und DDR. – Moskau, 2015. (im Druck)
16. Reichert S., Unter Kontrolle. Die Martin-Luther-Universität und das Ministerium für Staatssicherheit 1968–1989. – 2 Bd. – Halle (Saale), 2007.
17. Stiller W. Der Agent. Mein Leben in drei Geheimdiensten. – Berlin, 2010.
18. Nagornaya O.S. Vostochnogermanskije studenty v SSSR 1950-60-kh gg.: transnatsional'nye prostranstva i sotsialisticheskie «seti» // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2013. – № 5. – S.531–540. DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9267